

Геннадий ЗАЛЕСОВ

ЖИВОТВОРЯЩАЯ СИЛА

(К 90-летию Народного художника РФ В. К. Чебанова)

Знакомству с творчеством В. К. Чебанова и приятельством с ним я обязан моему другу В. М. Пивкину. Ныне Художнику исполняется 90! А он работает и работает...И вот весной он позвал на юбилейную выставку. Хочу поделиться некоторыми размышлениями как рядовой зритель и почитатель его мастерства.

На открытие в Новосибирском художественном музее (апрель 2015) Персональной выставки Народного художника В. К. Чебанова приехать из Томска, к моему глубокому сожалению, не получилось, но на закрытие постарался прибыть. Правда, как такового завершающего мероприятия и не было почему-то. Просто был последний день её работы. Вениамин Карпович огорчился: «Не допускалось такого в прошлые времена...»

Впечатление от выставки очень сильное. Одно дело, когда видишь картины в мастерской Художника и совсем другое – в музейных залах. Им там и место! Таким многофигурным станковым полотнам, с мощной эмоциональной насыщенностью, с их чётко выстроенной композицией и колоритом.

События юбилейного года

Воочию уверяешься в правомерности присуждения художнику в юбилейный год подарков и наград. Одним из главных подарков стоит назвать предоставление зала Центрального музея Великой Отечественной войны на Поклонной горе к 70-летию Победы, где Чебанов демонстрировал в течение нескольких месяцев десятки своих полотен. Мне понравилась фраза в Благодарности директора Музея генерал-лейтенанта В. И. Заборовского – «За безвозмездное предоставление авторских живописных работ на выставке «Сибиряки в огне войны». Как великолепно подмечено – «безвозмездное предоставление...». Да, Вениамин Карпович известен своим бескорытием, своей скромностью. Он даже удивлён этой фразой, но чего только не откроешь в рыночное время... Да как же за деньги выставлять свои труды в

святом для народа памятном месте, да ещё и в такой юбилейный год?!

К ряду наград ветерана добавились медали к 70-летию Победы, а также за активное участие в патриотической работе среди молодёжи.

А вот и ещё очень дорогая награда, не имеющая, видимо, аналога на всю Сибирь. Это высший орден Российской академии художеств «За служение искусству». Вручается он от имени Президиума Российской академии художеств «по совокупности многолетних заслуг» и является признанием самых высоких профессионалов нашей страны. К красивому ордену есть документ.

Удостоверение № 122 от 14 апреля 2015 г. Подписано Президентом РАХ З. К. Церетели. Вениамин Карпович оказался в компании выдающихся деятелей искусства. Среди кавалеров этого Ордена Арно д, Отрив – постоянный секретарь Академии изящных искусств Института Франции; известный российский художник сцены и живописец Борис Мессерер, российский историк искусства Виктор Ванслов, художник А. Д. Шмаринов, архитектор, академик М. М. Посохин и многие другие отечественные и зарубежные деятели. Кроме того, Чебанову вручен Адрес от имени Президиума РАХ, где к нему обращаются как к Лауреату «Золотой книги культуры Новосибирской области» и дают очень высокие оценки. В красивой раме под стеклом вначале приветственные слова, а затем более развёрнутая характеристика. Вот она:

«Ваш путь многие годы посвящён служению Великому Искусству [так, с больших букв!]. Мы высоко ценим многогранный талант и профессиональные достижения...» ... «Вы владеете богатейшей творческой палитрой и мощным профессиональным инструментарием, особым даром и авторским видением.

Блистательный художник, человек огромного обаяния и глубочайшей внутренней культуры, Вы заслужили признание и уважение в профессиональном сообществе...».

Обаяние и слагаемые внутренней культуры

Словно отчеканенные слова, очень верно отмечающие профессиональный и человеческий облик В. К. Чебанова. И нам, сибирякам, его современникам и почитателям его искусства, такая оценка весьма приятна. Особо выделю «огромное обаяние» и «высочайшую внутреннюю культуру». Зная круг его общения, наблюдая его в житейских ситуациях, мне доводилось видеть, как подпадали под его обаяние люди разного возраста и уровня развития. Его многие любят за скромность, за преданность, за совестливость, за порядочность, за верность в дружбе. На персональные выставки Чебанова зрителей приходит всегда множество. Мои студенты с удовольствием посещали его мастерскую, впечатлялись от бесед с ним, всегда об этом тепло вспоминали, писали свои эссе. А после просмотра видеопленки о нём, они встретились с режиссёром Н. С. Соколовой и живо обсуждали очарование его таланта. Кто-то по-молодёжному выразился: «Классный дядька! Вот такие они – настоящие мужики, они и должны были победить!»

Нет, нет обаяние Чебанова вовсе не похоже на обольщение собеседника, оно не эффектное, не охватывает смиг. Наоборот, оно тихое, воздействующее совершенно незаметно, как бы исподволь. Из всех суждений об обаянии мне применительно к Вениамину Карповичу приглянулось такое: обаяние – это воздействие какой-то энергией, силой, которая на тебя влияет благотворно, положительно. А сила эта, энергетизм её идёт у него от занятия любимым творческим делом. Помнится, он откровенничал, что, задумав и начав уже картину, сожалел, что день подошёл к концу, и надо идти спать. А ложась, думал, как бы быстрее прошла ночь, и он встанет вновь к мольберту. Вот эта любовь к своей работе, получаемое от неё удовольствие, конечно, привлекательны. Они ощутимы в общении с ним. Он умеет передать не только в своих картинах, но и в общении то, что не выразишь словами. И молодёжь это почувствовала. А ещё его обаяние это- непосредственность, стеснительность, бесхитрость, нравственная чистота, устремлённость к душевной высоте. Обаяние Чебанова Президиум РАХ в своём адресе соединил с его высочайшей внутренней культурой.

Да, эта культура, действительно, внутренняя, не показная.

Первоначальные истоки её от бытующей в недрах народа удивительной интеллигентности. Да, да, есть такая, как бы ни кичились ею только потомки дворян и не презирали простых мужиков и баб нынешние её охранители. Такая биографическая деталь художника: дед и отец Чебанова были краснодеревщиками, а это столяры, специалисты по самым сложным изделиям из ценного дерева. Отец Карп Диевич делал скрипки, гитары. Для этого надо знать, чутая качества древесины, звонкость каждой её деки. Да при этом потребен и музыкальный слух... Но сие уже прикосновение к прекрасному, и он владел игрой на скрипке. А изящество фигур – что гитары, что особо скрипки! Это ж надо уметь вычертить завитушно и точно.

Вениамин, работая в железнодорожном депо, окупился в рабочей коллектив с его ритмом, необходимостью мастерства, смекалки.

Оригинальный эпизод рассказал из того военного тылового труда. Чтоб быстрее отремонтировать прибывший паровоз, решили не остужать полностью котёл. Основные внешние операции провели, но надо было вставить два анкерных болта и заклинить их изнутри. Но туда мог пролезть только человек небольшой комплекции. Мастерские работники стояли, обдумывали. Он понял и решился. Ему обмотали кошмой ногу, зажали верёвочной петлёй и осторожно по этой верёвке спустили вниз головой, освещая чрево котла фонариком. Его обожгло жаром. Сверху подали болт, зажатый длинными клещами, разогретый до белого каления... Вылез очумелый... Наградой было признание мастеров и заметка в стенной газете.

Великая Отечественная для него была великой школой жизни. Позже он писал: «...только здесь в окопе, живя бок о бок с солдатами, осознал громадную ответственность за свою и их жизнь. Каждодневно учила и сама фронтовая обстановка – дорогая наука скорбей и потерь, наука войны».

Я как-то попытал его о «наркомовских 100 граммах». Получил совершенно неожиданный для меня ответ: «Мой дед и отец не пили, не знали алкоголя. Я тоже не знал. А в боевой обстановке не мог позволить себе, т.к. именно я нёс ответственность за моих бойцов».

Вениамин Карпович удивлял и даже восхищал своей эрудицией. К месту вспомнит гениев Возрождения, добротную мысль русского классика. Регулярно читал толстые журналы, эту гордость российской литературы, вникает и в текущую периодику. Привержен к классике. Она помогает и как художнику. Однажды поделился подходом к рождению замысла триптиха, посвящённого А. С. Пушкину: скрупулёзно проштудировал двухтомник ежедневной жизни и деятельности поэта, перечитал основные произведения. Долгие размышления вылились в жизнерадостную идею к центральному сюжету. Мне довелось наблюдать в какой-то мере, с каким тщанием он отбирал материал для триптиха «Апофеоз Победы 1945 г.». Прочитаны сотни исторических страниц, мучительно шли поиски сюжетов, их композиции, выверены перспективы и пропорции рейхстага и Бранденбургских ворот, изрисованы десятки людских поз и лиц. Полотно – одно из самых величественных на выставке. Оно было центральным. И по праву. За ним – многотрудная работа.

Слов изумительная красота

На традиционных сборах друзей в мастерской у Вениамина Карповича по случаям почти всегда звучали стихи. Сосед В. Г. Кирьянов приносил аккордеон и пели песни. Мастерская напивталась чем-то возвышенным. Благоговейно присутствуя здесь, пропитывался свястью живописи, музыки и поэзии. В основном это были чисто мужские компании, но никогда в них я не слышал дурнословия, непристойностей. Журналиста и поэта С. И. Юртаева часто упрашивали прочесть свои, фронтовые. Тот их совсем не записывал, все помнил. Декламировал он страстно и проникновенно. Вениамин Карпович бережно хранит листок с записью с телеэкрана стих друга «Приведите меня к переднему краю...».

Художник ценит классическую и народную

музыку. Он был очень дружен с оперными певцами В. Васильевым и М. Пахомовым, А. Жуковым, создавшим на сцене Новосибирского театра значительные образы, написал их портреты.

В своё время В. К. открыл для себя и полюбил исповедальность и песенность поэзии Н. М. Рубцова. Посвятил ему очень яркое, запоминающееся полотно. Часто читал вслух при моих студентах стихотворение Николая Михайловича «Видения на холме». Наиболее проникновенно звучали в его исполнении строки:

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.

На выставке в Музее эту картину расположили на отдельной стене, в хорошем освещении. Она контрастировала яркой палитрой среди трагических военных картин. Однако, любовь Художника к большому поэту, поэту трагической судьбы, была усилена и тем, что он воспринимал Н. М. Рубцова и как дитя военного времени, ставшего детдомовцем. Чебанов прочёл много книг и статей о жизни и творчестве Поэта. Воспринял, как близкие, слова критика В. Бондаренко: «Николай Рубцов ... подпитывался от животворных корней народной культуры и потому был более сокровенен, более невосприимчив к суете времени...».

Как это созвучно мыслям и душе Вениамина Карповича, его восприятию жизни людей и страны!

Когда подошли к этому яркому полотну, Вениамин Карпович прочёл всё стихотворение «Видения на холме». Рядом никого, мы только двое. И с нами Поэт Н. М. Рубцов...

Вечером вспоминал стихи шотландца Р. Бернса, других иностранных и русских поэтов. В его квартире большая библиотека, в основном мировая и советская классика. Классиков русской литературы изобразил в композиционных портретах на линогравюрах.

В год Литературы уместно сказать, что В. К. Чебанов был дружен со многими литераторами-земляками. Создал живописные портреты поэтов Л. А. Чикина, Л. В. Решетникова, А. И. Смердова, писателей А. В. Никулькова, Н. Я. Самохина. Был в хороших товарищеских связях со многими авторами детских книг, к которым рисовал иллюстрации.

По чьему заказу?

В. К. Чебанов продолжительное время работал в Западно-Сибирском книжном издательстве, иллюстрировал книги. Издательство в лице художественного редактора В. П. Минко было его основным заказчиком, говоря языком современного трудового законодательства, – работодателем. То есть это был государственный, советский заказ. «А кто сейчас для Вас работодатель?», – спросил я его в ходе съёмки видеofilmа о нём. Его реакция последовала тотчас: «Память, совесть и долг». В таком ёмком, немедленном отчеканенном ответе – глубокая выстраданность, изныв его ума и сердца. Позже, встречая осуждения советских деятелей культуры и искусства в том, что все они только и работали по указке КПСС и правительства, вспоминалась не только эта его фраза, как своеобразное кредо Чебанова, но и всё его творчество новейшего времени. Его никто не просил, никто не заказывал ему картины о Войне. Более того, он работал вопреки заказу, вопреки даже моде. В то время, когда многие художники оставили прежние свои темы, стали готовить полотна, ориентированные на продажу, В. К. Чебанов не пошёл по пути рынка. Хотя потребность в деньгах у него лично и у многочисленного семейства была, порою, очень острой. Нет, не свернул он со «своей колеи». Что же это? Упорство? Неумение гибко подладиться к потребности рынка? Или такой забетонированный консерватизм? Почему из него не уходит его главная тема?

Возвращаясь к впечатлениям о выставке к

70-летию Победы, нельзя не отметить её грандиозность, автор представил более 200 работ. А всего у него их свыше 250!

Его друг, биограф и критик Владимир Матвеевич Пивкин, написавший о нём монографию и много статей, отмечал: «... Чебанов... был и остаётся художником «в гимнастёрке», остаётся умом и сердцем на той великой войне, к которой причастен потом и кровью, остаётся приверженцем всё же одной темы, одного жанра – трагедии, требующей высочайшего мастерства и непременно катарсиса-очищения зрителя через потрясение».

Удивляет и восхищает его работоспособность. По неполным подсчётам на сегодняшний день он участник 70 выставок. Получается, в среднем по одной выставке в год. Из них более 20 персональных. Он организовывал выставки ко всем последним юбилеям Победы и отдельно её операциям.

Двадцать лет назад, как он сам отмечал, он начал разрабатывать наиболее интенсивно тему Великой Отечественной войны. По моим наблюдениям только за последнее пятилетие им создано свыше десяти многофигурных живописных полотен. И все немалого размера. Перечислю только некоторые: «Погранзаства. 22 июня 1941 года», «Враг будет разбит. Победа будет за нами!», «Стоять насмерть – позади Москва», триптих «Оборона Москвы», «В боях и походах», «По дорогам войны», «На прямую наводку», «Атака отбита», «Почта пришла», «Живая вода возвращения».

Любопытно отметить, что в двух последних Художник отошёл от трагизма, там на лицах появилась улыбка. У бойцов – удовлетворения, у освобождённых – счастья и благодарности. Свидетельство, что Художник продолжает осмысление войны во всех её проявлениях...

Что же заставляет его, 90-летнего мастера, прожившего основную часть жизни после войны, обращаться к ней снова и снова?

Консерватизм? Да, но здравый

Проходя по выставке, мы с Вениамином Карповичем вспоминали Владимира Матвеевича Пивкина, которому ныне исполнилось бы 80 лет. Его нет уже пятилетку. И эта потеря для Художника ощутима. Он назвал своего друга «Мой Стасов», имея в виду В. В. Стасова, известного во второй половине XIX века художественного критика. Пивкин был разносторонне эрудированным человеком. Он всегда был в курсе творчества В. К. Чебанова, не только смотрел его замыслы и эскизы, но вдумчиво, принципиально критично и ясно оценивал творения друга. После нередких споров Художник, отстаивая своё видение, всё-таки прислушивался к замечаниям и советам. И облегчённо говорил: «Ну вот, теперь можно двигаться дальше!». Мне нравилась эта обстановка делового профессионального общения друзей, где шёл именно диалог, внимание к мнению и аргументам оппонента, деталям в его ходе. Я видел профессора и не уступающего ему в эрудиции художника. Беседы всегда поднимались до высоких образцов изобразительного искусства, его классических авторитетов. Эти встречи обогащали друзей. Однажды при посещении моими студентами мастерской В. К. Чебанова, он сказал: «Я ведь тоже учусь. У моих друзей и у вас – молодых». Да, это тоже характеристика

глубоко интеллигентного человека – быть обучаемым, не довольствоваться только собственными представлениями.

Чебанов остаётся верным традициям русской реалистической школы живописи. Вот эта связь собственного творчества с предшественниками, опора на их искания, прозрения, техники и, конечно, прежде всего, на гуманистическую традицию русского, советского реализма, характерный им демократизм, очень близки духовным исканиям Художника.

Живопись Чебанова как квинтэссенция гуманизма

По утверждению современного писателя и художника Максима Кантора масляная живопись является квинтэссенцией гуманизма, но она уже более ста лет объявлена анахронизмом, пережитком старины, не сопрягающимся с текущей жизнью, а ныне произошёл её закат, совпадающий с закатом книжной эры.

Не знаю пока, насколько разделяют эту оценку искусствоведы, историки живописи. Но современные художники, действительно, всё меньше связывают свои искания с палитрой. Даже на Выставочном проекте РАХ «Победа как новый эпос» к 70-летию победного мая (27.05–12. 07 в Москве), судя по отчётам в СМИ, мало было именно станковой масляной живописи, всё более инсталляции, видеоарт и прочие изыски современности. Некоторые считают, что палитра в ремесле художников уже сыграла свою роль, и даже безвозвратно.

Однако В. К. Чебанов убеждён, что настоящий художник должен и обязан предьявлять публике именно станковые живописные полотна, волнующие ум и эмоции. Может, это устаревшее представление, но он его придерживается. Он видит свой долг гуманиста противостоять таким образом разрушающим гармонию мира искажениям гуманистической нравственности. И стоит ли осуждать художника за его верность традиции, за его право высказаться своей живописью перед людьми?

Его гуманизм не абстрактный, он хоть и обожжён жестокостями войны, но глубинная народная нравственная традиция отошения к рядовому человеку, как к себе равному, в нём жила и там, на войне, да и во все его уважительные годы. Весьма характерный случай описан им в воспоминаниях о войне.

Возвращаясь в свои дивизии из медсанбата вместе с другими, увидели замерзающего у дороги невооружённого немца: «чёрное обмороженное лицо всё в стружьях, глаза, почти мёртвого человека, выражали боль и страдание... повторял хриплым шёпотом: «Гитлер капут! Гитлер капут!». Казалось бы, какое дело до умирающего фашиста? Но подняли в кузов, дали лопот хлеба и граммов 50 спирта, довели по настоянию медсестричек до лагеря военнопленных и передали не без усилий в приёмный санитарный блок. Этот эпизод войны Вениамин Карпович поведал и моим студентам. Слушали, а потом долго молчали....

Его гуманизм исходит из опыта воина, видевшего смерть и испытавшего на себе её приближение. Встретившись с необходимостью преодолевать невероятные трудности, он сумел найти в себе силы укрепить свои ценности оставаться на высоте нравственности, тем и

поднимал дух своих бойцов. Мне представляется, что гуманизм и составляет художественную и нравственную основу произведений Художника Чебанова о Великой Отечественной войне.

«Лейтенантская» живопись В. К. Чебанова

Конечно, трудно писать полотна Чебанова о войне к шедеврам этого ряда, произведениям, написанным такими мастерами живописи уже в годы войны, как А. Дейнека, С. Герасимов, П. Кривоногов, Кукрыниксы, Г. Нисский, А. Пластов, В. Серов и др. Он относится к последующему поколению живописцев, которые также ощутили войну воочию и имеют право говорить о ней от имени своего сердца. И здесь, на мой взгляд, по аналогии с так называемой лейтенантской военной прозой (Быкова, Васильева, Бондарева, Бакланова), можно (условно, конечно) усмотреть и лейтенантскую живопись. Просматривая полотна о войне лейтенанта пехоты В. К. Чебанова, обнаруживаются, по крайней мере, несколько их отличительных особенностей.

Как представитель среднего командного состава, лейтенант Чебанов изображает небольшие воинские подразделения, где многофигурность композиции подчёркивает боевое единство воинов. Ключевой образ в его картинах – взвод, рота бойцов. Особо выделяются в этом смысле «На безымянной высоте», «Вышли из окружения», «Атака отбита» и др. Здесь группы бойцов, и в них сплочённость, решимость, коллективный дух. И никакого уныния, никакой неуверенности в победе, несмотря на трагичность ситуаций и положений.

Другая особенность – это отображение не столько войны, сколько человека на войне, его разнообразных эмоциональных состояний. Главное действующее лицо у него – солдат. Если посчитать количество бойцов на его картинах, то вполне возможно, что он вспомнил почти всех, с кем был штыком к штыку. Неоднократно говорил, что по памяти рисует своих солдат, их облик, фигуры, их лица... Можно даже из его картин составить целую изобразительную энциклопедия невербального, экспрессивного языка человеческой души. Мои студенты это обнаруживали и отмечали. Там и позы, и мимика настолько разнообразны! Там горе и радость, ужас и печаль, ликование и глубокие раздумья, возвышенность и трагичность....

Ещё одна особенность его военных картин выявляется при внимательном и сравнительном осмотре его сюжетов и действующих лиц. Это обязательное, почти везде, присутствие раненых и их помощников – медсестёр или санитаров. Взгляните на его полотна «Бранденбургские ворота. 2 мая 1945 г.» (вариант 1985 г.), «На рубеже атаки», «Переправа. Днепр» и другие. Непременно среди бойцов – представитель медицинской службы.

На выставке на отдельной стене была целая серия небольших картин одного формата. Он дал ей название «Фронтовое братство». В них какая-то магия, магия ухода от смерти. Раненых, уцелевших в бою, переправляют в медсанбаты. У К. Симонова есть такая строчка: «Мы здесь привыкли, что быть убитыми ходит в обязанности врага». Но в обязанность командира входило всеми мерами уберечь

своих солдат. Вспоминаются рассказы Вениамина Карповича о его ранениях, и о теплоте, с которой он называл имена «милых сестричек, проявлявших доброту и щедрость». А его шедевр углём «Медсестра Таня!» Помню, на одной из выставок, как к этому рисунку неоднократно возвращался один посетитель. Я, любуясь лицом Тани, штрихами угольного карандаша, тоже долго стоял, но выразил удивление очередным возмущением этого зрителя, а он воскликнул: «Вот это мастерство!» Замечу с разрешения В. К., что это портрет его жены Татьяны Романовны, которую встретил, ещё не вернувшись из армии. Настолько он проникся к спасителю жизни нежными чувствами, такими же, как к своей первой любимой.

Ещё достоинство картин Художника о войне – это широкая панорама Великой отечественной. Чебанов отразил все её основные эпизоды, всю её трагичность, а также героизм советских воинов. Хронологично – от 22 июня 1941 г. и до подписания Акта о капитуляции и празднования Победы 9 мая 1945 г. Это «Погранзастава», триптих «Оборона Москвы», двойной портрет «Враг будет разбит. Победа будет за нами!», работы, посвящённые Сталинградской, Курской и другим битвам. Наконец, «Последний день войны» и триптих «Апофеоз Победы». Художник организовывал специальные выставки, посвящённые юбилеям Победы или отдельным сражениям. И это были заметные события в культурной жизни Новосибирска. Каждый сантиметр его холстов о войне пропитан его страданиями и незабвенной памятью.

Наконец, хочется отметить и сибирскую тематику в произведениях Художника о войне. Она в работах «Бронепоезд «Советская Сибирь» в бою», «Сибирские полки на Красной площади. 7 ноября 1941 г.», полотно, посвящённое 22-й сибирской гвардейской дивизии. Несколько картин посвящено гордости сибиряков – трижды Герою СССР А. И. Покрышкину, особо примечательна «Ахтунг, ахтунг! В воздухе Покрышкин!», портрет «Воин-сибиряк» и другие.

И, конечно же, здесь обязаны мы воздать должное идее В. К. Чебанова и её воплощению по созданию Мемориальной стелы, посвящённой воинам-сибирякам, участникам Великой Отечественной войны 1941–1945 г., установленной торжественно 7 ноября 2011 г. на стене вокзала Новосибирск-Главный. Выполненная мастерами в металле стела посвящена подвигу воинов-сибиряков в Великой Отечественной войне. Эта работа осуществлена благодаря вкладу депутата Совета депутатов города Новосибирска Ю. Н. Похила.

Уединённая одержимость и рыцарство

Не вызывает сомнений утверждение, что для творчества необходимо одиночество, однако, наверное, точнее сказать – уединение.

Каждый день, за небольшими исключениями, вот уже более полвека Вениамин Карпович утром поднимается по лестнице на 6-ой этаж в свою мастерскую. Мансарды над 5-ым этажом в своё времена специально пристраивали для художников благодаря заботе власти и тогдашнего куратора культуры в городе Е. К. Лигачёва. Узкий тёмный коридор. Проходя мимо соседа,

приветствовал его, перебрасывались кратко новостями и устремлялся к себе. Здесь оказывался в окружении своих полотен, что на всех стенах. Как модно говорить сейчас тут своя аура, пропитанная красками, думами, стоянием перед мольбертами. С картин на него взирают его же сюжеты, но больше - портреты. В портретах он великолепный мастер, умеет видеть за каждым лицом индивидуальность и её биографию. Но не только. Искусствовед В. М. Дивкин писал: «...в каждом... [портрете] при индивидуальной трактовке) есть нечто более широкое, глубокое, типичное, из чего складывается образ целого поколения. Художник пишет портрет, а говорит о человеке и Человечестве. Говорит о времени и о себе...». Портреты Чебанова исполнены в разной технике – маслом, пастелью, карандашом, пером тушью, углём, акварелью. Всего им написано их свыше сотни.

Каждый раз люблюю тройным портретом: три друга-фронтовика поминуют не вернувшихся. Лица в раздумье и печали. Очень нравится и портрет, где фигура, склонившаяся над сиденьем обычного стула, на котором лист бумаги. Человек, в майке, не успев надеть тапки, с босыми ногами, сосредоточен на рисунке. Это художник, друг, тоже фронтовик Павел Поротников. Портрет исполнен пастелью на оргалите, Чебанов дал ему название «Одержимость». Ночь, скорее всего, а художнику вдруг просияла мысль, и он её тут же воплощает, оставив на время мольберт, краски... Вот эта уединённость, одержимая концентрированность на своей работе, любовь к искусству, а не к себе в нём, полная поглощённость, увлечённость работой – всё это характерно и для самого автора портрета.

Представьте: художник один на один стоит целый день у мольберта. Какие мысли роятся в нём, какие видения в его воображении, какие сложные расчёты по построению фигур, композиции, смешению красок! Он один, и только его мироощущение, его, если угодно философия – путеводная звезда, которая даёт общий тон полотну. Плюс мастерство, интуиция, собственная техника и опыт ему здесь помощники. И больше ничто! Не однажды, приведя студентов к нему в мастерскую, мы видели вразброс положенные на полу листы бумаги – эскизы общего плана, отдельные фрагменты. Мне иногда было неловко вторгаться в священную атмосферу его уединённости, в его мир, прерывать его внутреннюю связь с материалом.

Есть сравнение живописца, работающего у мольберта, с рыцарем: в руках у него вместо шпаги кисть, но он, как рыцарь, совершает выпады и отходы. Положит кистью мазок краски, отойдёт, посмотрит, оценит, вновь смешает краску на палитре и снова ведёт наступление на полотно... Сражается художник, сражается за своё представление, за рождение произведения, соответствующее его мироощущению. И в этом находит удовольствие и удовлетворение. Уподобляют такого художника Дон Кихоту – тот тоже сражался с воображаемым... Но худож-

ник-реалист Чебанов ведёт настоящий бой за реалистическую живопись, за гуманизм, и тем самым против жестокости, против войн, против появляющихся ростков фашизма. И плюс ещё – за правду о той войне, где побывал, против всяческих искажений о ней. И это очень существенно ныне и во веки...

Выставка закрыта, что дальше?

Нам показали Книгу отзывов о выставке. В них на нескольких десятках страниц искренние, идущие от многих сердец строки. Мы прочли не все, но основные за чаем вспомнили. Я выписал одно, видимо, хорошо знакомого Вениами-на Карповича:

«От юбилея к юбилею
От Ваших выставок я млею.
Но эта грандиозней стала –
Чебанову Музея мало!

А долг и совесть всё зовут
Запечатлеть святое.
А дни и годы всё текут,
Но Память не даёт покоя.

И мне уже немало лет,
Но я готов здесь дать обет:
Что приползу и в 100-ый год,
На выставку к нему, коль позовёт.

Все отзывы с чувством благодарности Художнику, с размышлениями о героическом подвиге отцов, дедов и прадедов. Смысл большинства отзывов в том, что В. К. Чебанов воздал должное советскому народу, солдату, полководцам, совершившим подвиг. В проникновенных строках – надежда на победу здравого смысла, на крепнущее отрезвление от беспмятства и клеветы на роль советского народа в войне против гитлеровского фашизма.

А Художник вышел на новый творческий рубеж: пока, правда, в замыслах – о подвиге 22-й гвардейской Сибирской дивизии. Уже собирает материал, вникает в подробности истории прославленной дивизии.

У нашего земляка, сибиряка В. А. Чивилихина есть замечательные слова: «Память о прошлом – великая нравственная и животворящая сила и относится к ряду таких, например, моральных категорий, как совесть и гуманизм. Каждый человек – наследник великого прошлого народа, его деяний, его духа».

Такой животворящей силой неуспокоенно живёт и трудится Народный художник РФ, кавалер Ордена «За служение искусству» Российской академии художеств, ветеран Великой Победы Вениамин Карпович Чебанов.

Хочется верить, что стусок его мыслей, чувств, мастерства, воплощённые в его творческих живописных работах, будут связующим звеном для последующих поколений от поколения Победителей. Выразим ему, представителю советской цивилизации, нашу благодарность за его этот вклад.

Пожелаем Юбиляру продолжающегося творческого долголетия при сохранении имеющегося здоровья!

Г. М. Залесов
Новосибирск-Томск.